

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет»

16+

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XIV

**Средневековая археология Евразии:
от Ямала до Карпат**

Сборник научных трудов
к 60-летию юбилею А.М. Белавина

Под общей редакцией Н.Б. Крыласовой

Пермь
ПГГПУ
2018

УДК 902
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т782

Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат: сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманитарн.-пед. ун-т. – Пермь, 2018. – 350 с.: ил. и табл.

ISBN 978-5-85218-964-6

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Настоящий сборник посвящён 60-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Андрея Михайловича Белавина, организатора и руководителя КАЭЭ и Пермской археолого-этнографической научной школы. Публикуются материалы по археологии различных территорий Евразии эпохи средневековья, отвечающие научным интересам А.М. Белавина.

Сборник будет интересен специалистам по истории, искусству и археологии Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев и всем, кто интересуется историей и культурой таинственной эпохи средневековья.

УДК 902
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Саранулов*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN 978-5-85218-964-6

© Коллектив авторов, 2018
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2018
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2018

УДК 903.2

А. Тюрк**АМУЛЕТЫ-ТОПОРИКИ В МАТЕРИАЛЕ
КАРПАТСКОГО БАСЕЙНА XI–XII ВВ.***

Католический университет им. Петера Пазманя,
Институт археологии И-2087, г. Пилишчаба
ВАН ФИЦ, Исследовательская группа по древней истории мадьяр,
И-1097, г. Будапешт

Наше исследование показывает распространение одного из характерных для Северной и Восточной Европы предметов X–XIII вв. – амулетов-топорики. Долгое время был известен лишь один экземпляр из Венгрии, но в последние годы их количество резко возросло, что ожидаемо, так как подобные предметы не редкость для Центральной и Восточной Европы. Использование миниатюрных предметов, в том числе амулетов-топорики, началось в Скандинавии в раннем средневековье, но их широкое распространение с XI в. в Восточной Европе однозначно связано с Русью. Венгерские исследователи обычно предполагали, что они распространялись вместе с наемниками из Руси. В данной статье мы используем широкую базу данных и объемный корпус западноевропейской литературы для освещения нового аспекта о происхождении данного артефакта в Карпатском бассейне в XI–XII вв.

Ключевые слова: Скандинавия, Прибалтика, Польша, Восточная Европа, Карпатский бассейн, амулеты-топорики, X–XII вв., контакты с Русью и Скандинавией

ATTILA TÜRK**AXE-SHAPED AMULETS (XI–XII TH CENTURY)
FROM THE CARPATHIAN BASIN**

Pázmány Péter Catholic University, Institute of Archaeology H-2087, Piliscsaba
Prehistory of the Hungarian People Research Group, Centre for Social Sciences,
Research Centre for the HAS H-1097, Budapest

In Hungary, the first known medieval axe-shaped amulet came to light in Szabolcsveresmart in 1885. In Hungarian archaeological literature, it is primarily István Fodor who has published on this object type, which otherwise has an extensive international literature. Specimens are known from the Baltics, Scandinavia, Belarus, Ukraine, and Russia. The recent pieces from Hungary, presented in this paper, fill the gap between the occurrence densifications in Poland and Bulgaria, which can only be explained by a research deficit in the Carpathian Basin. In Hungary, axe-shaped amulets can be clearly interpreted as imported objects. However, the previous conjecture that Rus mercenaries wore them should be reconsidered, since they are primarily known from women's graves. It is quite likely that they came to the Carpathian Basin from Rus, but the question remains, who actually wore them, and how they were used. All of them are stray finds, but most of them are well connected to early Árpád-era sites.

* Исследование подготовлено с поддержкой программы TÁMOP 4.2.4. A/1-11-1-2012-0001 „Nemzeti Kiválóság Program”, OTKA/NKFIH 106369, и в рамках MTA BTK MÓT 28.317/2012. Статья написана с поддержкой Гранта им. Яноша Бойаи.

Single pieces have been found at a settlement and at an earthwork site. These surface finds do not allow for a dating prior to the 11th century; most of their northern and eastern parallels with known find circumstances are also dated to the 11th–12th century (although in some instances they occurred in 10th century environments too). Basically they can be divided into two types (I and II by Makarov 1992), which were found in roughly equal numbers – there is no significant difference between their numbers. Opinions are divided on the pendants’/amulets’ function. They have been interpreted as simple child’ toys or as miniature versions of real combat weapons. They have been linked to the cult of Thor-Perun-Perkunas as protective amulets against the storm god’s wrath. According to another assumption, the axeshaped amulet was a kind of symbol worn by members of the Rus military escort, which is, however, contradicted by the fact that very few man’s burials have yielded such objects. Some hold the opinion that the družhina warriors’ children wore them on their belts. Yet another assumption is that these amulets were linked to the cult of St. Olaf, whose attribute is the axe, suggesting in a way Thor’s continuity in Christian Scandinavia. Most of the pieces are stray finds and often come from the area of forts. Those originating from graves were mostly found in women’s and children’s burials. In the current research N.A. Makarov’s typology, which distinguishes between two main variants, has become accepted. Lugged beard axes fall into Type I, whereas wide, fan-shaped, symmetrical axes that may be interpreted as boat representations fall into Type II. The axe amulet itself, like the rest of miniaturized objects in Rus, is of Scandinavian origin. Its popularity undoubtedly spread to Eastern Europe through Rus, though it can no longer be linked to the military only.

Key words: Scandinavia, Baltics, Poland, Eastern Europe, Carpathian Basin, axe-shaped amulets, 10–12. century, contacts with Rus and Scandinavia.

Введение. Вплоть до последнего десятилетия уникальным и единственным для Карпатского бассейна считался амулетный предмет, имитирующий топор с дугообразным лезвием эпохи обретения родины и раннего времени династии Арпадов, обнаруженный в пределах Саболчверешмарта (рис. 1П), на берегу р. Тисы в 1885 г. [11, с. 188–189]. Венгерский археолог Иштван Фодор ссылался на другой подобный предмет, найденный около Хайдухадхаза [19, с. 25], который на сегодняшний день утрачен. Им же в 2014 г. опубликован еще один амулет-топорик (рис. 9), который по форме и размерам подобен предмету из Саболчверешмарте [20, с. 613–614]. Хотя это редкая для венгерской археологии категория предметов, она хорошо известна в Северной и Восточной Европе, Прибалтике, а также характерна для средневековой Руси и Польши. Число находок амулетов-топориков из Венгрии многократно возросло [24, с. 25] в связи с развитием уровня и детализации описания карт распространения данных артефактов, в частности, с территории Балкан (рис. 13/1). Поэтому я считаю нужным обновить карту распространения амулетов-топориков, и суммировать наши знания по вопросу происхождения данных уникальных артефактов.

История исследования предмета. Хаакон Шетелиг в 1912 г., изучая материалы одной норвежской могилы (Свингесаэтер), перечислил известные в ту пору железные и бронзовые предметы, имитирующие оружие (топоры), найденные на территориях от Ирландии до Руси [43]. Особенностью находки из Свингесаэтера, отличающей ее от других интересующих нас предметов, является литая рукоятка с полотном [40, с. 161]. В дальнейших исследованиях мало

внимания было обращено на контекст данного предмета, обнаруженного в женском погребении. Этот маленький топор находился у талии умершей вместе с иголками, свинцовым пряслицем и остатками бус. Исходя из этого, исследователь предположил, что найденный топорик являлся женским орудием труда [43, с. 5–8]. Он имел в виду однозначно женские орудия труда (веретено, иголка), указывая на этнографические параллели, когда топоры использовали как орудия труда, например, при уборке сахарного тростника, или при шитье для разрезания петлиц [43, с. 17–18, Fig. 22]. Однако работа Х. Шетелига важна тем, что отражает детальный контекст предмета, позволяющий определить возможный круг интерпретаций амулетов-топориков и видеть в них детскую игрушку, орудие труда или ритуальный магический предмет.

Питер Паулсен в 1939 г. предложил исчерпывающий очерк про миниатюрные бронзовые и янтарные топоры. Относительно их применения он считал, что слишком маленькие предметы не могли использоваться в качестве орудия (оружия). Также он разделил эти предметы, в основном по форме, на несколько групп: 1) топоры с литым топориком и полотном; 2) с проушиной на обухе с остатками деревянного топорика, или от тех, которые носили в висячем положении [40, с. 159–171].

Ян Петерсен, исследуя в 1951 г. вещи викингской эпохи, также был заинтересован в изучении данного предмета [41, с. 339–341]. Он ссылаясь, прежде всего, на результаты Х. Шетелига. Интересно, что он изучал миниатюрные топоры вместе с костяными иголками для шитья, наверное, под влиянием Х. Шетелига, полагавшего, что эти топоры являлись женским орудием труда. В итоге Я. Петерсен предложил 10-сантиметровый барьер для отделения рабочих предметов от символических или амулетов [41, с. 341].

Позже Инес Беике-Фойгт в своей работе 1997 г. при отделении амулетов от орудий труда исходила из того, что символические предметы это те, которые по размеру не пригодны для работы. Однако далее она обратила внимание на то, что некоторые миниатюрные топоры, которые относительно большие (длина 6–8,8 см), простые и без украшения могли использоваться в плотничестве [10, с. 101]. Таким образом, не всегда размер определяет функцию предмета, как на это указывают выводы Х. Шетелига и Я. Петерсена, а также Элсе Роедал о 10-сантиметровом барьере [42, с. 141–142], Волосина и Панасшиевича о 8-сантиметровом барьере, установленном по польским материалам [39, с. 245–247].

В 1950-е гг. Анджей Надолски занимался типологией воинских топоров, но весьма кратко описал миниатюрные варианты, считая их детскими игрушками [36, с. 390]. Однако одна из форм топориков соответствует V группе боевых вариантов его типологии. Они одноручные с ассиметричным лезвием, бородкой, удлиненным обухом. При этом большинство амулетов-топориков схожи с группой Va, у которых имеется удлиненный обух, отсутствующий у группы Vb [36, с. 45–46, табл. XVII].

Анатолий Н. Кирпичников выработал свою типологию средневековых боевых топоров, где V группа А. Надолски соответствует IV группе в его системе [3, с. 36–37, табл. XIII/4–8, табл. XXI/1–2, 8–12]. Именно эти одноручные боевые топоры с оттянутым вниз лезвием были самыми популярными у славян, а также широко известны за пределами их ойкумены. Возможно, этот предмет имеет римское происхождение, отличающийся выступающей бородкой и проушиной с удлиненным обухом [38, с. 167; 32, с. 106].

Владислав П. Даркевич, исследуя размеры и специфический орнамент данного типа топоров, пришел к выводу, что речь идет об амулетах, поскольку они обнаружены в составе похоронного инвентаря. Он считал, что миниатюрные подвески-топоры связаны с языческими культами славян, особенно экземпляры из литой бронзы с характерным циркульным орнаментом и орнаментом в виде волчьего зуба. Он полагал, что маленькие концентрические кружки являются солярными символами, а клинообразные элементы и зигзаги отождествляются с молнией. По его мнению, эти предметы исполняли функцию защиты от небесных явлений, и принадлежали культу Тора–Перуна–Перкунаса [1, с. 94–96, 98, 101–102].

Николай А. Макаров в 1992 г. выделил два типа топориков внутри системы В.Н. Даркевича (I и II типы Макарова) [5]. С тех пор эта типология чаще всего используется в литературе (рис. 3–4). К первой группе принадлежат топоры с оттянутым вниз (ассиметричным) лезвием, полукруглым вырезом, схожие с V группой Надолски. У проушины наблюдается удлиненный обух. Они не просто имитируют по форме настоящие боевые топоры, но и орнамент на них сходен с вбитыми образцами орнамента боевых топоров, и тауширизованным орнаментом парадных оружий. По мнению Н. Макарова, изначально все такие амулеты-топорики были украшены орнаментом, но у некоторых они не видны из-за коррозии металла. Например, экземпляр из Дрогичина первоначально считали неорнаментированным, но при реконструкции появились характерные узоры в виде насечек на середине лезвия.

Ко II группе принадлежат экземпляры с широким и симметричным дугообразным лезвием с крючковатыми выступами по обеим сторонам. Чуть меньше половины экземпляров сохранили следы орнамента. Проушина и шейка похожи на экземпляры типа I. Шейка узкая, иногда наблюдаются насечки, их проушина расширяется в сторону удлиненного обуха. Н. Макаров считал последние копией боевых топоров, имея при этом малочисленные аналогии, совпадавшие лишь частично. Это обстоятельство резко отличает данную группу от первой, которая довольно четко фиксируется и широко распространена [5, с. 44–47, рис. 4–5]. Амулеты-топорики, собранные Н. Макаровым, в большинстве были найдены при раскопках городищ Руси, в меньшей степени – в погребениях мальчиков и женщин. Его вывод, что эти предметы – символы воинственности или обряда инициации мальчиков в мужчины, свидетельствующие о сложении воинского

сословия на данной территории. Как правило, амулеты-топорики в погребениях размещались около талии умершего вместе с другим инвентарем, например, ложкообразными амулетами. Н. Макаров сомневался, что эти предметы можно связывать с культом Перуна, поскольку они получили распространение, когда языческие святилища уже были разрушены, в XI–XIII вв., и синхронны боевым топорам аналогичной формы [5, с. 48–51].

Латышский исследователь Гунтис Земитис объясняет распространение топориков-амулетов в Восточной Европе развитыми торговыми связями с Русью [47, с. 110]. К такому же выводу пришел Руна Эдберг, исследовавший сигтунский материал. Сигтуна до XIV в. был христианским городом и важнейшим политическим центром средневековой Европы, имеющим значительные восточные, варяжские связи. Девять амулетов-топорики были найдены в раскопках в слое X–XII вв., в радиусе всего 150 м². Р. Эдберг считает, что они были вывезены из Руси варяжской дружиной, и видит в них *symbols of Russian warrior ideology on Swedish soil*. [12, с. 251, 253; 13, с. 150–154].

Польские исследователи обратили внимание на происхождение и распространение амулетов-топорики в Балтийском регионе. Васлав Панашиевич и Марцин Волосин в 2002 г. опубликовали самый полный на то время каталог этих предметов. Они тоже связывали их с русской дружиной и обрядом инициации юношей. Предметы, найденные вне пределов Руси, связывали с наемниками [39, с. 261, 266–267]. В 2012 г. Володимир Савицкий и Володимир Свинцицкий опубликовали обобщающую статью об амулетах-топорики, найденных в Западной Украине [8], а Святослав Терский в своей монографии 2014 г. также писал об этой проблематике [9, с. 133, рис. 209, фото 25].

Магдалена Фетиш в своей докторской диссертации охарактеризовала данные предметы как импортные [14, с. 59–60]. Позже Марцин Волосин посвятил две статьи этой проблематике [45; 46]. Он опубликовал сигтунский экземпляр (единственный пример типа II по Н. Макарову на территории Скандинавии), объясняя его как символ варяжских наемников Византии, где топор, как оружие и символ, получил распространение с XI века. Исследователем не исключается, что появление данного предмета связано с участием русов в подавлении восстания Вардаса Фокаса. Однако этнический состав носителей амулетов-топорики трудно определить, так как в их ареал были включены полиэтничные политические центры средневековой Восточной Европы: Киев, Константинополь, Сигтуна, Новгород и Польша. Новизна работы М. Волосина заключается в отрицании гипотезы Н. Макарова о символической нагрузке этого предмета как отражения воинственности в среде дружинников, где амулеты-топорики – символ обряда инициации юношей, так как кроме двух памятников (Городисца и Никольское), в польских, скандинавских, русских, византийских материалах эти предметы не имеют твердой связи с мужским (военным) набором инвентаря [45, с. 597, 602].

Самый полный каталог миниатюрных топориков опубликован в 2010 г. Павлом Куциперой, Петром Пранке и Славомировом Вадилым [32]. Авторы составили подробный каталог артефактов, включили полный историографический обзор, суммируя концепции прошлых поколений исследователей. Они охарактеризовали 154 предмета из Северной и Восточной Европы, выделили типы и варианты амулетов-топориков: 1) тип I (по Н. Макарову) (рис. 1); 2) тип II (по Н. Макарову); 3) синкретичные экземпляры (рис. 2). В каталоге больше всего предметов типа I (74 экз.), 30 экземпляров принадлежат к типу II, и 29 предметов – атипичных. При составлении данного каталога с территории Карпатского бассейна была известна лишь находка из Саболчверешмарта (рис. 11, 13). Павел Куципера и Славомир Вадил в 2011 г. опубликовали работу, посвященную распространению и функции топориков типа II (по Н. Макарову) [33]. В 2017 г. вышла работа, посвященная распространению амулетов-топориков, обнаруженных на территории Карпатского бассейна [24].

Особо стоит подчеркнуть, что такие находки распространились не только на запад от Руси, но и на восток в Приуралье [4, рис. 83/10].

Оценка предмета. Амулеты-топорики, найденные в Венгрии, довольно разнообразны по материалу, оформлению, размеру и орнаменту. Как показано предыдущими исследованиями, их морфология, особенно I типа по Н. Макарову, тождественна форме боевых топоров, распространенных в Северной и Восточной Европе в X–XII вв. [37, с. 45–46, табл. XVII; 3, с. 36–37, табл. XIII/4–8, табл. XXI/1–2, 8–12; 5]. Для них характерны схематичные орнаменты в виде точек, кругов, зубчатого и сеточного декора [40, с. 67–97, 87–158]. Форменные знаки также хорошо видны на миниатюрных предметах, на топорах с бородками часто встречаются «крюки», выступы, или отверстия посередине лезвия, вероятно, предназначенные для подвязывания чехла ремнем на оригинальных экземплярах [3, с. 36–37].

Для II типа топоров, по Н. Макарову, много исследователей допускали влияние культа Святого Олафа [32, с. 116–121; 3, с. 128]. Оформление, орнамент этого типа совпадает с I типом, однако среди имитируемых боевых топоров найдено мало образцов с такой же формой лезвия, хотя Н. Макаров нашел несколько симметричных топоров с дугообразным лезвием, которые, однако, не являлись каноничными [5, с. 44–46]. Безусловно передававшаяся мастерами форма I типа являлась переосмыслением некой основной формы топоров. Но нельзя исключать гипотезу о связи данной формы с образами лодки или корабля (см. у польских авторов, или находку у Калдуша).

При определении способа ношения обращаем внимание на многочисленные находки с фрагментами рукояток в Северной и Восточной Европе [33, fig. 2].

Проушина оформлена, подобно миниатюрным топорам, аккуратно, однотипно. Неясно и с венгерскими находками, как их носили, с маленькими рукоятками или с помощью шнура, продетого через проушину.

В находках редкого типа топорики, по всей видимости, носили на ремнях, возможно, в отдельной кисе. В венгерском материале наблюдается явное различие между потертостями лезвия и орнамента. Кажется, что одна сторона чаще прикасалась к одежде, а другая сторона, на вид, оформлена более изящно.

Кроме формы следует переосмыслить хронологию и распространение двух данных типов. Хотя у нас мало предметов для надежного датирования, но некоторые данные позволяют считать, что топоры II типа появились позже, а I тип (исходя из хорошо датированного Сигтунского экземпляра) [12, с. 251, 253; 13, с. 150–154], распространился, скорее всего, во второй половине X в. При картографировании находок бросается в глаза, что в Северной, Восточной Европе и Прибалтике наиболее широко были известны экземпляры I типа, а II тип известен лишь в Сигтуне, в Скандинавии, но их нет на Нижнем Дунае (рис. 3) [32, гус. 1–2].

Вместе с новыми находками в Венгрии на сегодня известно 10 амулетов-топориков I и II типов, обнаруженных к востоку от Дуная (рис. 4–12). Большинство из них – единичные находки, мы более-менее хорошо знаем, где их нашли, т.к. местонахождения почти в каждом случае известны и проверены. Венгерские амулеты-топорики происходят из поселений раннего времени династии Арпадов, один точно (рис. 10), другой с большой вероятностью – из городища, еще один – из могильника XI–XII вв. (рис. 4). На карте распространения амулетов-топориков польских исследователей видно, что на территории между Болгарией и Польшей до 2011 г. был известен лишь один экземпляр, из Саболчверешмарта (рис. 13/1) [32, гус. 3]. Дальнейшие находки хорошо дополняют эту карту. Оценка продемонстрированных нами находок из Карпатского бассейна еще не завершена, но они хронологически и географически связаны с одним из культурных элементов скандинавского, западно-славянского и балтийско-русского круга (рис. 13/2).

К вопросу о контактах мадьяр раннего периода династии Арпадов с Русью. Историческое значение амулетов-топориков для Карпатского бассейна – в их импортном происхождении. По письменным источникам связи между Русью и Венгрией относительно хорошо документированы [21; 22; 23], но археологические памятники могут дополнить данные сведения. Известно, что в 1020-е гг. венгерский король Стефан I (Святой) пригласил наемников из Руси на западные окраины Венгрии, а его сын Имре принял титул *dux Ruizorum*. Это свидетельствует о контактах с Русью, даже если титул обозначил начальника гвардии [19, с. 25]. Иштван Фодор полагал, что данный факт может позволить установить место жительства русов в Карпатском бассейне (в его приграничных зонах) [19, с. 25]. Однако принимая во внимание широкое распространение этого типа предметов в Восточной и Северной Европе, ныне уже не выдерживает критики данное мнение, основанное на стереотипе о древнерусском происхождении данного артефакта. Таким образом, находки амулетов-топориков

в Карпатском бассейне не обязательно объясняется присутствием варяжских/русских наемников. Данный предмет не может интерпретироваться даже в Восточной и Северной Европе как специфический дружинный знак. Это наблюдение касается не только материалов из Руси, но и найденных в Карпатском бассейне. Аналогичным образом не связан географический ареал ныне известных десяти амулетов-топориков и топонимами *Орос*, и *Ороси* [7, с. 210; 18, с. 173; 15; 17; 20, с. 616]. Они не показывают приграничную зону (по-венгерски *guerŷ*), нет новых находок около Вамошороси или вблизи восточных границ. Это обстоятельство еще больше заметно у западных границ и в Паннонии. Известная по письменным и археологическим источникам территория Оросвара также сомнительно связана с военными, пришедшими с Руси [30; 19, с. 25], так как в исследованном здесь могильнике X–XI вв. не обнаружено ни оружия, ни «специфических» импортных вещей, [44; 28; 27], как, например, в погребении «А» могильника Сэкешфехервар-Радиотелепа [29].

Амулеты-топорики пока не нашли нигде в этих местах. Нет новых находок и в северо-восточном регионе, большинство из них известны в Венгерской низменности, между Дунаем и Тисой. У двух находок из Южной Низменности предполагалось их возможное происхождение с Руси, или какая-то связь с производственными традициями Руси. Возможно русское происхождение топора из Доросла, исследованного Иштваном Фодором [16]. Подобная трактовка возможна для бляшек кэмпэцкого могильника [34, 2.kér], которые часто приводятся в русскоязычной литературе как параллели известного Гулбищинского кургана [2, с. 104].

Следует подчеркнуть, что существуют исследования о венгерских элементах в материальной культуре Руси (например, колчаны, луки [35], седла с бляхами [6] и т.п.), то есть речь идет о взаимосвязях, ведь известно, что на Руси тоже были венгерские наемники [26]. К сожалению, поскольку места находок нами показанных амулетов-топориков в большинстве случаев неясны, пока они мало могут помочь в объяснении этой исторической проблематики. Ныне известные материалы, тем не менее, требуют новых подходов и трактовок.

Итоги. Амулеты-топорики, найденные в Карпатском бассейне, как по форме, так и по обстоятельствам находок, хорошо вписываются в их Северо-Восточноевропейский ареал. Как польские и скандинавские амулеты-топорики, так и венгерские – в свете новых данных – не являются этническими маркерами варягов-русов, хотя сам факт их присутствия в Венгрии хорошо подтвержден источниками. В Венгрии, безусловно, существовали контакты с Русью, а также с государствами Северной Европы, но они носили, прежде всего, торговый характер. Объясняя значение амулетов-топориков, важно подчеркнуть, что подобно другим амулетообразным предметам, их использование невозможно объяснить, исходя из одной культурной среды, даже тогда,

когда они первоначально были символами некой определенной культуры. Судя по распространению, миниатюрные топоры были использованы скандинавами, балтийцами, западными славянами. Наверное, они имели определенное значение для их изготовителей, могли распространяться торговыми или иными путями, и приобрели собственное значение в тех культурах, где они появились [25, с. 126–127].

Библиографический список

1. Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. – 1961. – № 4. – С. 91–102.
2. Каинов С.Ю. Украина, Чернигов. Курган «Гульбище» // Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства: каталог выставки / ред.: Д. Журавлев, В. Мурашева. – М.: Кучково поле, 2012. – С. 102–107.
3. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XII вв. // САИ. – М.–Л.: Наука, 1966. – Вып. Е1:36. – 183 с.
4. Белавин А.М. Камский торговый путь. Северное Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
5. Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. – 1992. – № 2. – С. 41–56.
6. Мурашева В.В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. // Труды ГИМ. – М., 2008. – Вып. 175. – 48 с.
7. Немет П. Образование пограничной области Боржава // Проблемы археологии и древней истории угров / ред.: А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. – М.: Наука, 1972. – С. 206–220.
8. Савцький В., Свінцицький В. Давньоруські амулети-сокирки у збірці Волинського краєзнавчого музею // Острозький краєзнавчий збірник. 2012. – № 5. – С. 309–318.
9. Терський С.В. Археологія доби Галицько-Волинської держави. – Київ: Стародавній світ, 2014. – 164 с.
10. Beilke-Voigt I. Der Sitte der Miniatur gerätebeigabe bei den Germanen der späten Kaiserzeit // Offa. – 1995. – № 51. – P. 101–142.
11. Dienes I. Felső-Szabolcs a honfoglalás korában // A kisvárdai vár története. Szerk.: Éri I. – Kisvárda, 1961. – P. 95–196, 199–204.
12. Edberg R. Krigaramuletter från Rus'i Sigtunas svarta jord // Fornvännen. Journal os Swedisch Antiquarian Research. – 1999. – № 94. – P. 245–253.
13. Edberg R. Nya fynd av miniatyryxor // På väg mot paradiset: arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museum 33 / red.: A. Wikström. – Sigtuna, 2008. – P. 150–154.

14. Felis M. Miniaturowe toporki z X–XIII wieku na ziemiach polskich w kontekście podobnych znalezisk z Europy północnej i wschodniej. mps pracy magisterskiej w IP UAM, Poznań Doktori értekezés – IP UAM. – Poznań, 2005.

15. Fodor I. A magyarság baltikumi és skandináviai kapcsolatai a IX–XI. században (a régészeti leletek alapján) (Verbindungen der Ungarn mit dem Baltikum und Skandinavien zwischen dem 9. und 11. Jahrhundert [Aufgrund der Bodenfunde]) // Szolnok Megyei Múzeumi Évkönyv. – 1981. – P. 85–89.

16. Fodor I. Honfoglalás kori sír Doroszlón (Ungarisches Grab von Doroszló aus dem 10. Jh.) // Communicationes Archaeologicae Hungariae. – 1981. – P. 149–164.

17. Fodor I. On the Contacts of Hungarians with the Baltic Area in the 9th–11th Centuries (From an Archaeologist's Point of View) // Hungarian Studies. – 1986. – № 2. – P. 217–226.

18. Fodor I. Szabolcsveresmart // „Őseinket felhozád...” A honfoglaló magyarság: kiállítási katalógus / főszerk.: I. Fodor. – Budapest, 1996. – P. 172–174.

19. Fodor I. Az államalapítás korának hadserege // A Makói Múzeum Füzetei / Szerk.: Halmágyi P. Makó. – 2001. – № 98. – P. 17–39.

20. Fodor I. Előzetes beszámoló a hajdúdorogi Kövecses-halmon végzett ásatásról (Preliminary report on the excavation at Hajdúdorog-Kövecses-halom) // Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára (Avarum solitudines. Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday). Opitz Archaeologica 6 – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 2 / szerk.: A. Anders, Cs. Balogh, A. Türk. – Budapest, 2014. – P. 613–626.

21. Font M. Magyarország és a Kijevi Rusz az első ezredfordulón (The Kingdom of Hungary and the Kievan Rus at the first Millenium) // Történelmi Szemle. – 2002. – № 44. – P. 1–10.

22. Font M.: Árpád-házi királyok és a Rurikida fejedelmek. Szegedi Középkortörténeti Könyvtár 21. – Szeged, 2005.

23. Font M. A Kijevi Rusz és a Magyar Királyság a 11. században és a 12. század elején (Szent Istvántól Kálmánig) // Régmúlt idők elbeszélése: a Kijevi Rusz első krónikája / ford.: I. Ferincz; Szerk.: L. Balogh, Sz. Kovács. Magyar Őstörténeti Könyvtár 30. – Budapest, 2015. – Pp. 303–316.

24. Balta alakú amulettek a Kárpát-medence 10–11 századi hagyatékában. Régészeti megfigyelések a miniatürizált tárgyakról, valamint a kora Árpád-kori rusz–magyar kapcsolatok kérdéséről (Axe-shaped amulets among the 11th- and 12th-century finds in the Carpathian Basin. Archaeological observations on miniature objects and on the issue of early Árpád-era Rus–Hungarian relations) / Á. Füredi, Á. Király, D. Pó pity, Sz. Rosta, B. Zágórhidi Czigány, A. Türk // A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. II / főszerk.: A. Türk; Szerk.: Cs. Balogh, B. Major. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia

№ 3.2 – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. – Budapest–Esztergom, 2017. – P. 413–464.

25. Gardela L. Scandinavian Amulets in Viking Age Poland. *Collectio Archaeologica Ressoiviensis* 33. – Rzeszów, 2014.

26. Gyóni G. Egy Ugrin nevű személy a 11. századi Novgorodban (Угрин из Новгорода [11 в.]) // A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. II. II / főszerk.: A.Türk; Szerk.: Cs. Balogh, B. Major. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* № 3.2 – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. – Budapest–Esztergom, 2017. – P. 379–388.

27. Horváth C. Oroszvár-Wiesenacker-dűlő // Győr és Moson Megyék honfoglalás és kora Árpád-kori temetői és sírleletei. – Szeged, 2014. – P. 138–181.

28. Horváth C., Merva Sz., Tomka P. Oroszvár (Rusovce, Sl.) 10–11. századi temetője (10th–11th century cemetery of Oroszvár [Rušovce, Slovakia]) // Sötét idők rejtélyei. 6–11 századi régészeti emlékek a Kárpát-medencében és környékén. TO 3 / Szerk.: A. Liska, I. Szatmári. – Békéscsaba, 2012. – P. 375–404.

29. Kovács L. Előkelő rusz vitéz egy székesfehérvári sírban (A rádiótelepi honfoglalás kori A. sír és kardja) [Ein vornehmer Krieger in einem Grab von Székesfehérvár (Der landnahmezeitliche Grab A von Székesfehérvár-Rádiótelep und sein Schwert)] // Kelet és Nyugat között. Történeti tanulmányok Kristó Gyula tiszteletére / szerk.: L. Koszta. – Szeged, 1995. – P. 291–308, 3 tábla/Tab. 1–3.

30. Kristó Gy., Szőke B.M. Oroszvár // *Korai Magyar Történeti Lexikon* (9–14. század) / szerk.: Gy. Kristó. – Budapest, 1994. – P. 510.

31. Kucypera P., Pranke P., Wadyl S. Problem społeczno-kulturowej identyfikacji miniaturowych toporków y Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej // Tak więc po owocach poznać ich. *Funeralia Lednickie, Spotkanie 12* / red.: W. Dzieduszycki, J. Wrzeński. –Poznań, 2010. – P. 333–344.

32. Kucypera P., Pranke P., Wadyl S. Wczesnośredniowieczne miniaturowe toporki metalowe z Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej. *Korpus zabytków // Życie codzienne przez pryzmat rzeczy, 'Kultura materialna średniowiecza w Polsce' 1* / red.: P. Kucypera, S. Wadyl. – Toruń, 2010. – P. 103–176.

33. Kucypera P. – Wadyl S. Early medieval miniature axes of Makarov's type 2 in the Baltic Sea Region (Ankstyvųjų viduramžių Makarovo 2 tipo miniatiūriniai kirviai Baltijos jūros regione) // *Archaeologia Lituana*. – 2011. – № 12. – P. 122–130.

34. Kürti B. Régészeti adatok a Maros-torok vidékének 10–11 századi történetéhez. (Archäologische Angaben zur Geschichte der Umgebung der Marosmündung in den 10–11-ten Jahrhunderten) // A kőkortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára / szerk.: G.Lőrinczy. – Szeged, 1994. – P. 369–386.

35. Mikhailov K.A., Kainov S. Yu. Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2011. – № 62. – P. 229–244.

36. Nadolski A. Miniaturowy toporek z grodziska w Tumie pod Łęczycą (Une hache-d'armes en miniature de l'enceinte fortifiée de Tum près de Łęczycy) // *Przegląd Archeologiczny*. – 1953. – № 9. – P. 389–391.
37. Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku // *Acta Archaeologica Universitatis Lodziensis* 5. – Łódź, 1954.
38. Niesiołowska-Wędzka A. Siekiera // *Słownik Starożytności Słowiańskich, Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII* 5 / red.: G. Labuda, Z. Stieber. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1975. – P. 164–167.
39. Panasiewicz W., Wołoszyn M. Staroruskie miniaturowe toporki z Gródka, pow. Hrubieszów (The old Russian miniature axes from Gródek, powiat Hrubieszów) // *Archeologia Polski*. – 2002. – № 47:1–2. – P. 245–286.
40. Paulsen P. Axt und Kreuz bei den Nordgermanen. – Berlin, 1939.
41. Petersen J. Vikingetidens Redskaper // *Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo II, Hist.-Filos. Klasse* № 4. – Oslo, 1951.
42. Roesdahl E. Fyrkat. En jysk vikingeborg II. Oldsagerne og gravpladsen // *Nordiske Fortidsminder, Serie B*. 4. – København, 1977.
43. Shetelig H. En miniatyroks av bronse fra vikingetiden // *Bergens Museums Aarbok*, 1911. –1912. – № 13. – P. 3–18.
44. Tomka P. Vármegyéink kialakulásának kezdetei a régészeti kutatások tükrében // *Fejezetek Győr, Moson és Sopron vármegyék közigazgatásának történetéből / szerk.: J. Horváth*. – Győr, 2000. – P. 9–20.
45. Wołoszyn M. Ze studiów nad obecnością ruską i skandynawską na ziemiach polskich w X–XII wieku // *Świat Słowian Wczesnego Śriedniowiecza* / red. M. Dowarczyk, A.B. Kowalska, S. Moździoch, M. Rębkowski. – Szczecin–Wrocław, 2006. – P. 595–614.
46. Wołoszyn M. Między Gnieznem, Krakowem a Kijowem. Archeologia o wczesnowśredniowiecznych relacjach polsko-ruskich i formowaniu polsko-ruskiego pogranicza // *U źródeł Europy Środkowo-Wschodniej. Pogranicze polsko-ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych (Frühzeit Ostmitteleuropas: Das polnisch-ukrainische Grenzgebiet aus archäologischer Perspektive)* / red.: M. Dębiec, M. Wołoszyn. – Rzeszów, 2007. – P. 177–206.
47. Zemītis G. Christliche und heidnische Symbole aus Bergen des 9–12. Jahrhunderts in zentralletland (Daugmale, Talsi, Mežotne) // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jahrhunderts* 2. Hrsg.: Müller-Wille M. Mainz–Stuttgart. – 1998. – P. 97–113.

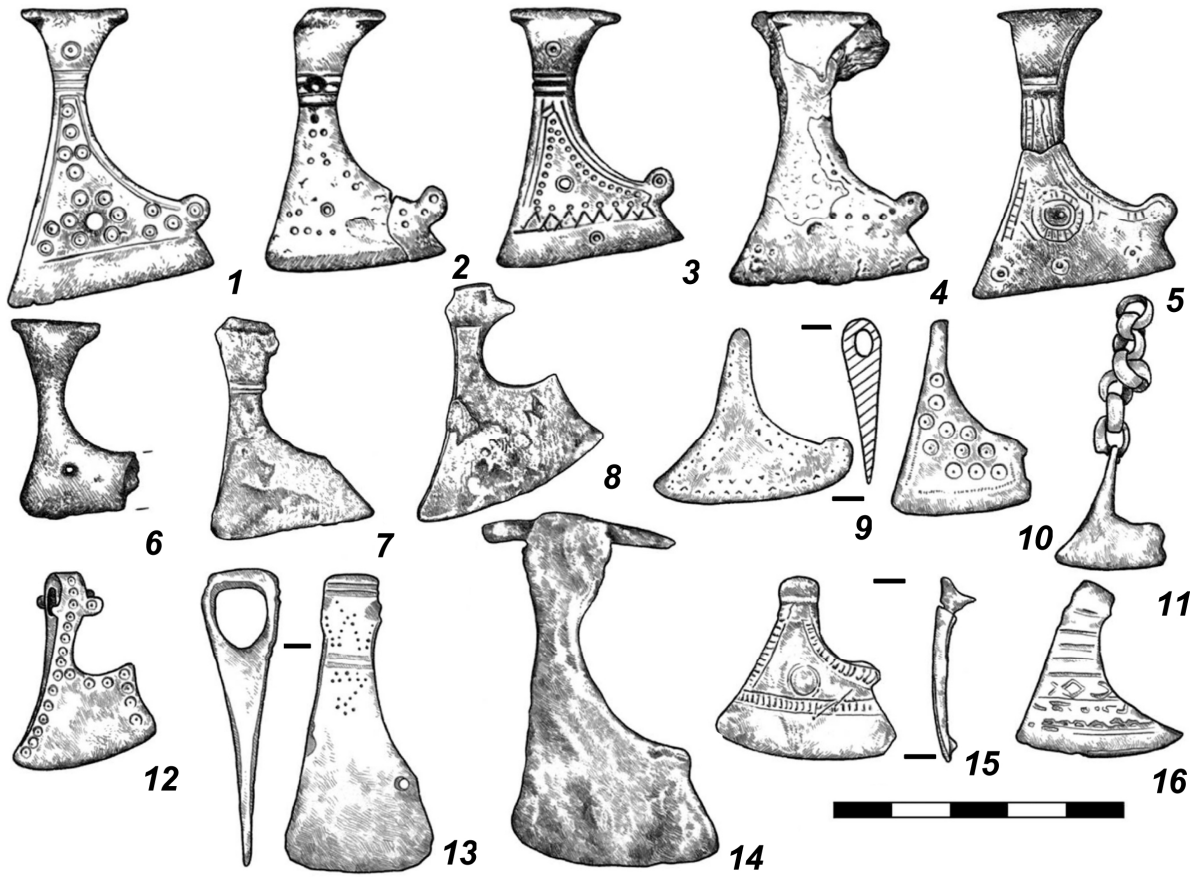

Рис. 1. 1–16 – важнейшие типологические виды средневекового топора типа Макаров I [33, fig. 1]

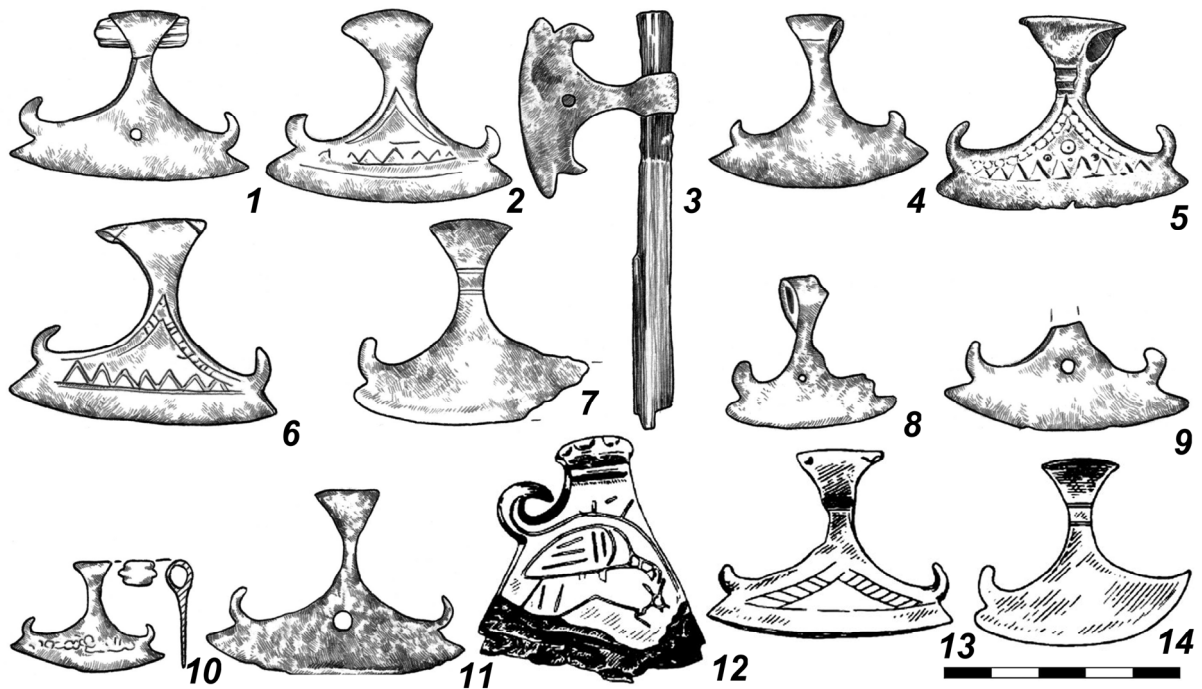

Рис. 2. 1–14 – важнейшие типологические виды средневекового топора типа Макаров II [1–10: 33, fig. 2; 11–12: 32, Tabl. XIII. 6; 13–14: 1, рис. 2/8–9]

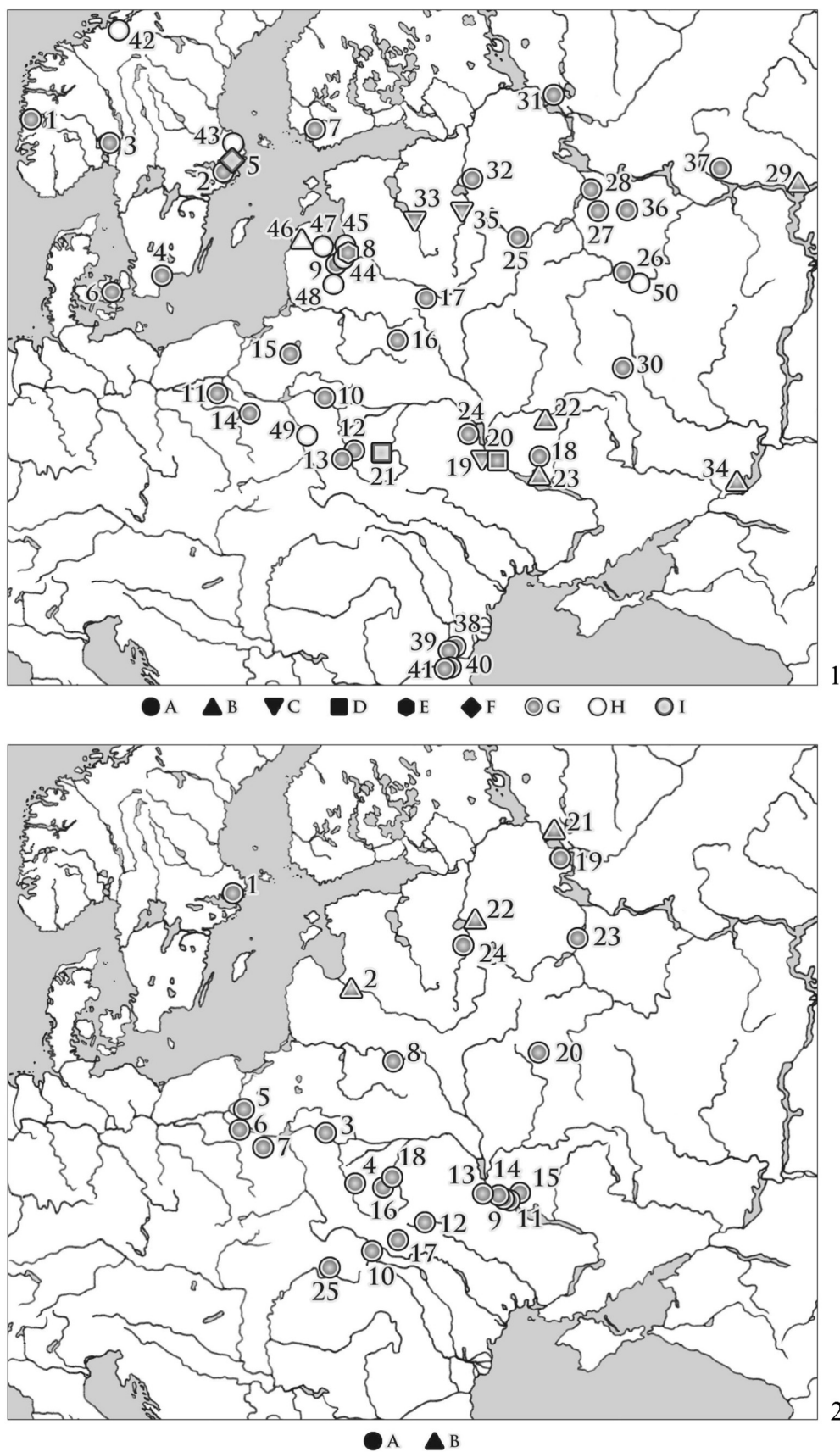

Рис. 3. 1 – распространение амулетов-топорикиков типа Макаров I [32, гус. 1];
2 – распространение амулетов-топорикиков типа Макаров II [32, гус. 2]

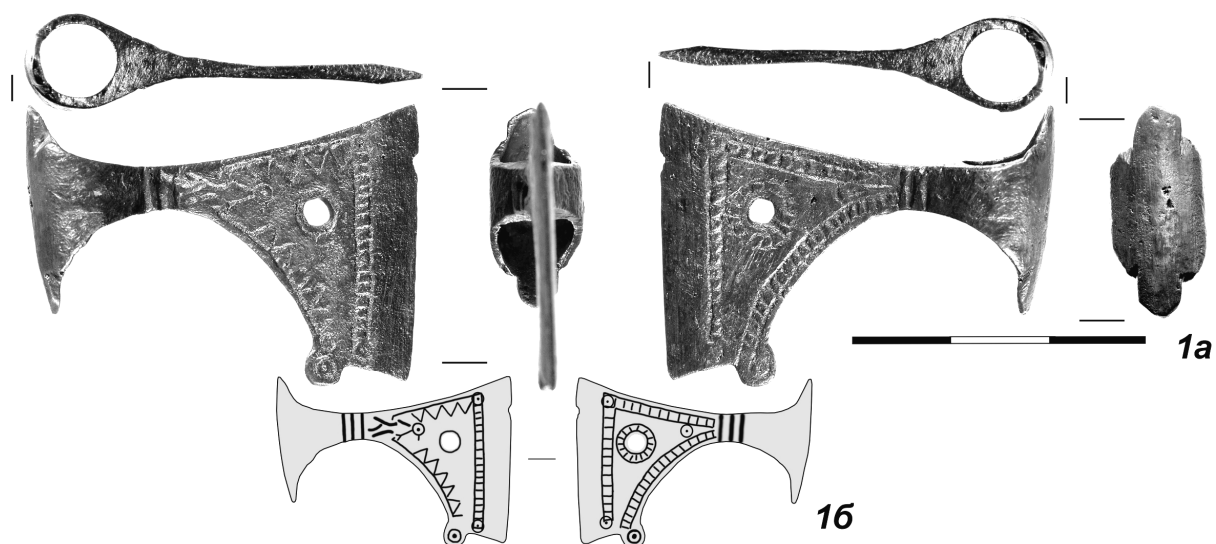

Рис. 4. 1a–1б – Бугац-Алшомоноштор. Хутор Куртоши. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка на поверхности земли [24, fig. 11]

Рис. 5. Чанадпалота. Хутор Юхаса Т. Фрагмент бронзового амулета-топорика. Единичная находка [24, fig. 14]

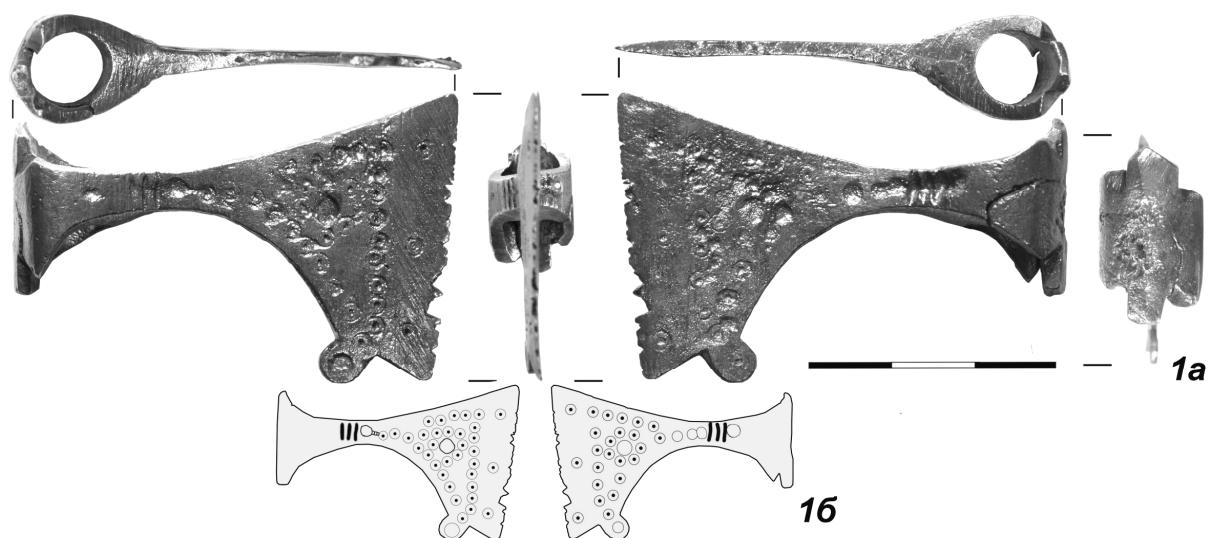

Рис. 6. 1a–1б – Дабаш. Церковный холм. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, fig. 16]

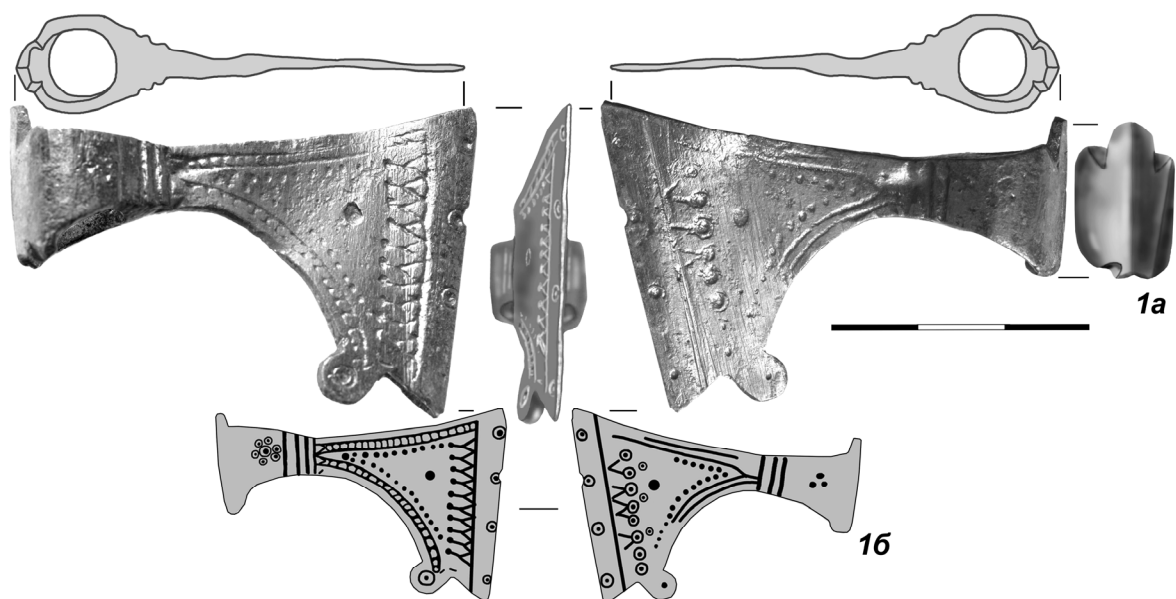

Рис. 7. 1a–16 – Хайдудорог. Земли педагогов. (Холм Кэвечеш).
Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, fig. 17]

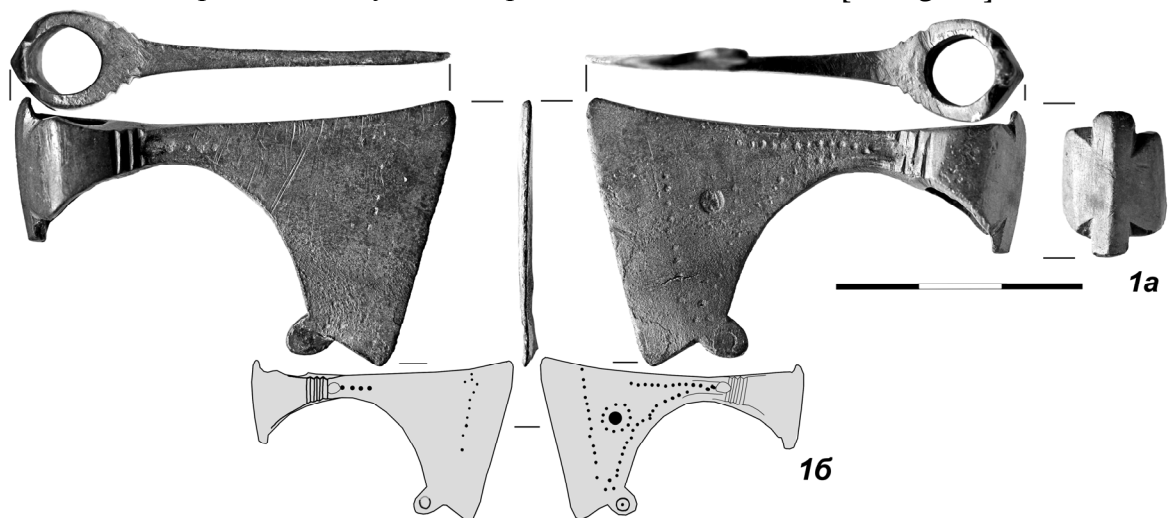

Рис. 8. 1a–16 – Ипойгэлдеш-Мал-айя. Бронзовый амулет-топорик,
единичная находка [24, fig. 18]

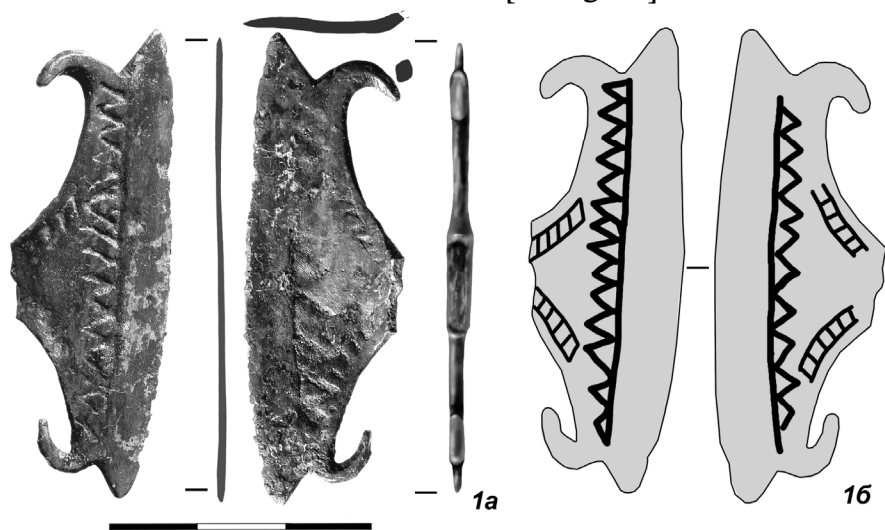

Рис. 9. 1a–16 – Кечкемет-Баллосэг. Бронзовый амулет-топорик,
единичная находка на поверхности земли [24, fig. 19]

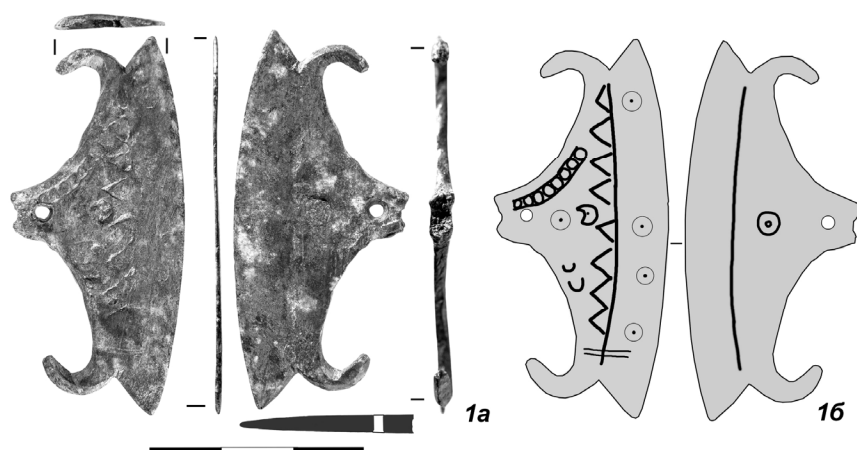

Рис. 10. 1а–1б – Шай-Латор, Эршурвар. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, fig. 22]

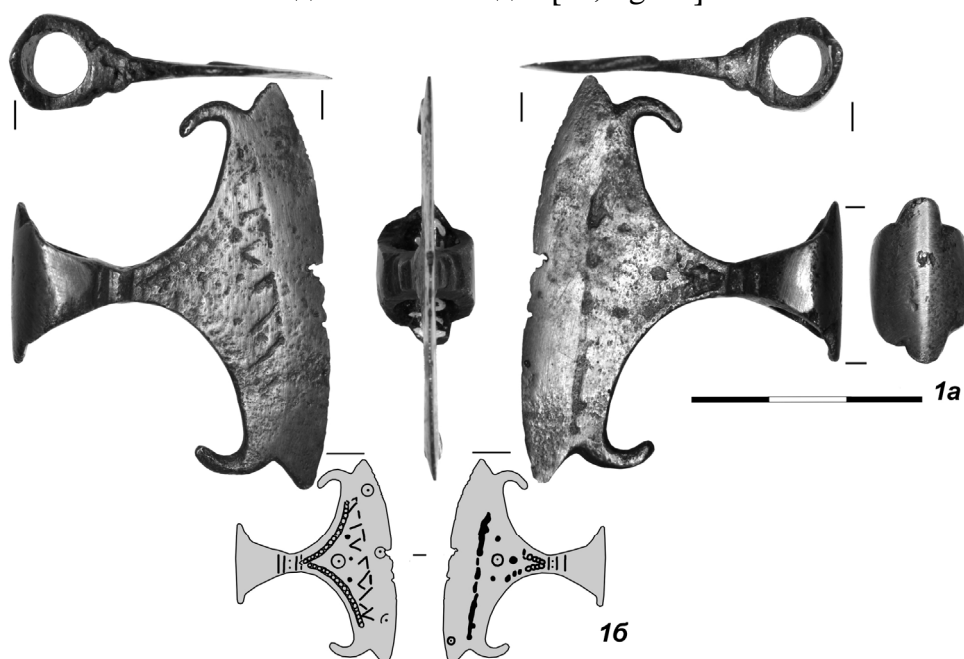

Рис. 11. 1а–1б – Саболчверешмарт. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, fig. 23]

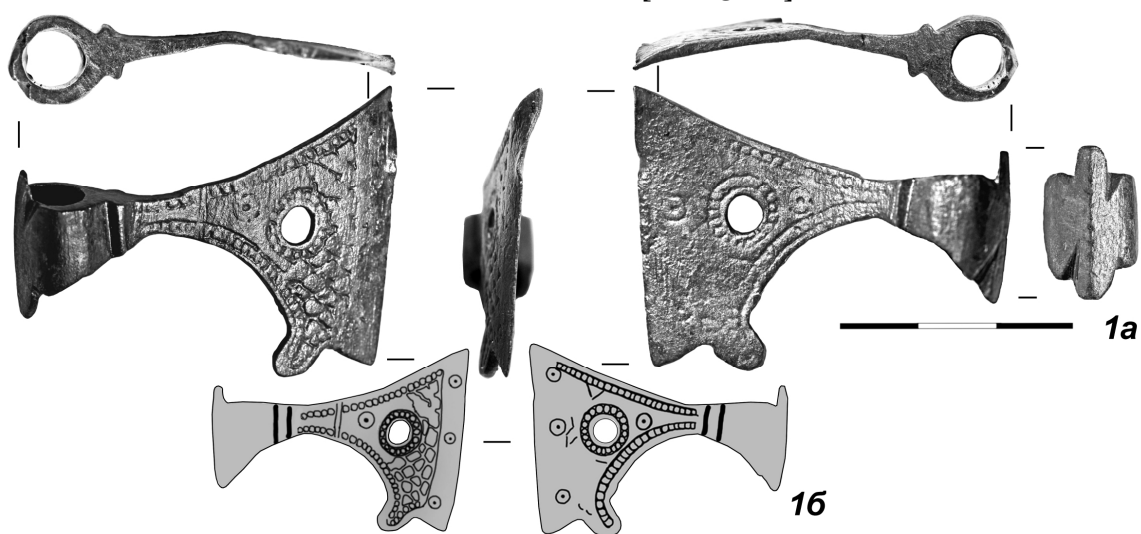
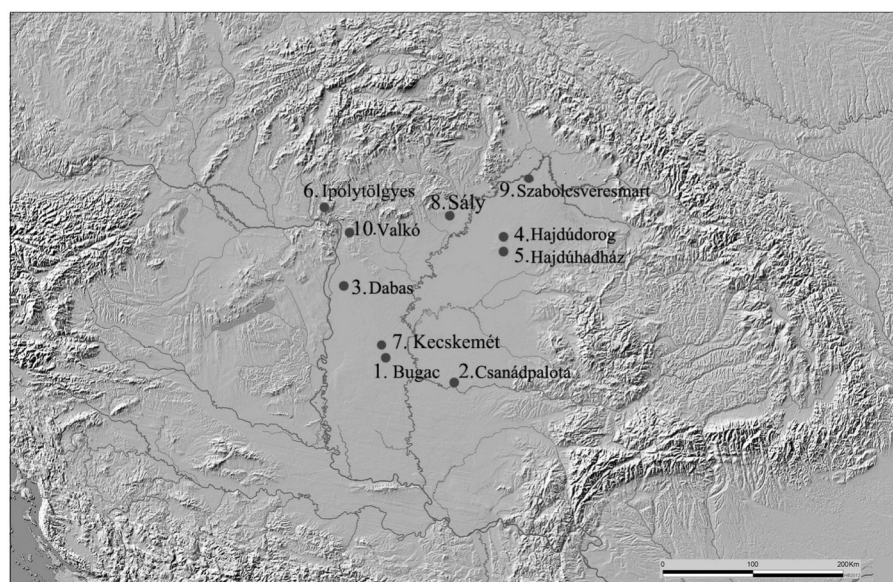

Рис. 12. 1а–1б – Валко-Эрегсэлэк. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка на поверхности земли [24, fig. 25]

1

2

Рис. 13. 1 – распространение амулетов-топориков северо-восточноевропейского типа [32, гус. 3];
2 – места находок амулетов-топориков в Карпатском бассейне [24, fig. 27]